

УДК 37.016:81
ББК 74.261.1
У 68

Ф.К. Уракова

Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета; E-mail: urakova.fatima@mail.ru

И. Алтанавдар

Аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета; E-mail: IKA9697@yahoo.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ НА ФОНЕ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы национально-культурной специфики фразеологических единиц русского и монгольского языков: стереотипы, эталоны, символы, на основе которых происходит формирование языковой картины мира обучающихся, позволяющих мобилизовать все ресурсы для повышения результативности обучения, соответствующих современным национальным и международным требованиям. Изучение ментально-лингвальных комплексов, национально-специфических языковых единиц помогает обучающимся сориентироваться в их научно-исследовательской деятельности, способствует подготовке к преподаванию русского языка как неродного с учетом связи языка и культуры, помогающей избежать неудач в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: человек, язык, культура, языковая личность, концептуальная и языковая картина мира, русский язык, монгольский язык, фразеологические единицы с компонентом-зоонимом.

F.K. Urakova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language and Technique of its Teaching, Adyghe State University; E-mail: urakova.fatima@mail.ru

I. Altanavdar

Post-graduate student of the Department of Russian Language and Technique of its Teaching, Adyghe State University; E-mail: IKA9697@yahoo.com

THE LINGUAL CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ZOONYM AGAINST A BACKGROUND OF THE MONGOLIAN LANGUAGE

Abstract. The paper discusses the main problems of national and cultural specifics of phraseological units of the Russian and Mongolian languages, namely: stereotypes, standards and symbols on the basis of which the language picture of the world of trainees is formed, and which allow mobilization of all resources to increase productivity of training in conformity with modern national and

international requirements. Studying mental lingual complexes and national specific language units helps trainees to orient with their research activity and promotes preparation for teaching the Russian language as nonnative, taking into account the relationship of the language and culture helping us to avoid failures in cross-cultural communication.

Keywords: the person, language, culture, the language personality, a conceptual and language picture of the world, Russian, the Mongolian language, phraseological units with a component-zoonym.

Проблема «человек и язык», а также «язык и культура» приобретают в последнее время все большую актуальность. Становится очевидным, что адекватное исследование языка возможно только при условии выхода за его «пределы», при обращении к человеку – творцу языка, причем такой подход возможен только на конкретном национально-языковом материале.

Каждый человек как языковая личность располагает концептуальной и языковой картинами мира, которые представляют собой глобальную, непрерывно конструируемую систему информации об универсуме (Р.И. Павиленис). При этом необходимо учитывать, что концептуальная и языковая картины мира каждого человека неоднородны: они включают в себя универсальные элементы, не зависящие от лингвокультурного мировоззрения личности; элементы, отражающие национальный характер языковой личности, а также информацию, обусловленную образованием человека, его социальной средой, то есть связанное с фоновыми знаниями, вертикальным контекстом, культурными традициями той или иной языковой личности [1: 217].

Наличие национально-культурной специфики фразеологических единиц (ФЕ) соединяет стереотипы, эталоны, символы, на основе которых происходит формирование языковой картины мира. В свою очередь, картина мира отражает всю совокупность знаний и представлений человека об окружающей его действительности, она выявляется при помощи изучения концептов, которые представляют собой «сгуст-

ки культуры» в сознании человека, идеи, возникшие у народа на протяжении всего его развития [1: 218].

Образ человека является важным фрагментом языковой картины мира, и попытка моделирования концепта «человек» на материале русских и монгольских ФЕ позволяет глубже понять специфику национального сознания.

В плане содержания концепт «человек» в русском и монгольском языках показывает, что языковая модель человека включает в себя ФЕ, отражающие как языковые, так и некоторые внеязыковые данные, связанные с историей их возникновения и последующего развития, а также с социальной ролью, выполняемой ФЕ в русском и монгольском языках [1: 217].

В этом плане изучение, ведение ФЕ как науки о человеке представляется достаточно интересным и актуальным. А национально-культурные особенности функционирования ФЕ в русском и монгольском языках являются одним из средств познания окружающего мира, углубленного и расширенного овладения языками.

Лингвокультурологический анализ ФЕ двух неродственных языков (русского и монгольского) с компонентом-зоонимом показывает, что ФЕ с данным компонентом, характеризующих человека, в русском и монгольском языках достаточно много. Связано это с тем, что в Монголии развито кочевое животноводство, в России – скотоводство и земледелие. Этим и объясняется большое количество ФЕ с компонентом-названием домашнего животного, характеризующих че-

ловека, в рассматриваемых языках. Следует отметить, что выбор образа того или иного животного в ФЕ зависит от географического положения страны и традиций.

Для анализа были отобраны фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Особое внимание было уделено неапплицируемым ФЕ, сравнительным оборотам, так как в них наиболее явно выражена национально-культурная специфика [2: 72].

Внутренний образ фразеологизма строится на сопоставлении состояния, внешнего облика, характера и поведения человека с названием животного.

Результаты проведенного анализа выглядят так:

1) безэквивалентные ФЕ:

А. Русские ФЕ относительно монгольского языка (76 единиц): голодный как собака; верный как пес (собака); живучий как кошка; знает кошка, чье мясо съела; жить как свинья; брать (взять) быка за рога; здоровый как бык; как корова на льду; рабочая лошадка; старая кляча; глуп как сивый мерин; не в коня корм и др.

Б. Монгольские ФЕ (в буквальном переводе) относительно русского языка (43 единицы): словно снег на спине собаки (легкий); как замерзший паук (заторможенный); как конь без уздечки (неуправляемый), как насекомое (ничтожный); лиса долго ждала быка и умерла с голода; как верблюд (большой); как оса (маленький); и др.

2) ФЕ, имеющие сходное значение в двух языках, но использующие разные названия животного:

Жить как свинья = Жить как собака

Книжный червь = Книжное насекомое

Как с гуся вода = Брызгать водой в морду лягушки

Стреляный воробей = Как стреляный волк

Отогреть змею на груди = Рога, растущие у козлят, и мать задевают

3) гиперо-гипонимические отношения компонентов ФЕ:

В русских ФЕ	В монгольских ФЕ
Муха, червь, оса	Насекомое
Курица, петух, индюк, гусь	Птица

4) ФЕ, совпадающие по семантике и образности:

Хитрый как лиса = Хитрый как собака

Как мышь в мышеловке = В собачьем желудке сливки не держат

Кто-л. слепая курица = Птичьих глаза

Как сонная муха = Как замерзший паук

У кого-л. гусиная кожа = Птичья кожа

Здоровый как бык = Здоровый как корова

5) Одно и то же название животного, акцентирующее в ФЕ двух языков разные стороны человека.

Образ обезьяны в русском языке используется для характеристики внешности человека: настоящая обезьяна – «урод», а в монгольском – для характеристики ума: ум обезьяны – «неглубокий ум».

В ходе проведенного лингвокультурологического анализа русских и монгольских фразеологизмов с компонентом-зоонимом, характеризующих человека, выяснилось, что описание и видение действительности по-разному представлено в языковой картине мира неродственных языков.

Во фразеологизмах русского языка наиболее частотными являются такие компоненты-зоонимы, как *собака*, *лошадь*, названия *птиц*. А в монгольских фразеологизмах – *верблюд*, *лошадь*, *осел*, *собака*, *козел*, *насекомое*.

В монгольских ФЕ чаще используются названия животных, являющиеся гиперонимами, например, *птица* (в русском – *курица*, *петух*, *гусь*) или *насекомое* (в русском – *червь*, *муха*). Последний факт может привести к интер-

ференции. Так, значение русской ФЕ *Муху убить* – «выпить вина» может быть проинтерпретировано монголами как аналогичное монгольской ФЕ *Убить насекомого* – «терпеть, сдерживать свою вспыльчивость».

Часто отсутствие ФЕ в монгольском языке объясняется отсутствием категории рода: *бык* и *корова*, *лошадь* и *конь* обозначаются одним наименованием соответственно.

При проведении анализа ФЕ разных языков необходимо учитывать этимологию, так как образ, закрепившийся в языке нескольких поколений, раскрывает многие стороны исторического развития народа, отражает его быт, культуру, традиции, стереотипы мышления [3:17].

Важно отметить, что в выборе образа сравнения проявляется и национальная специфика, поскольку его культурный фон отражает многие стороны культурной жизни конкретного народа, а слово, которое избирается в качестве образного стержня, зачастую становится для носителей языка словом-символом.

Остановимся подробнее на анализе русских и монгольских ФЕ с компонентом-названием насекомого.

В материал исследования вошли ФЕ с компонентом-названием беспозвоночных – червь. Введение русских ФЕ с компонентом червь в анализ русских ФЕ с компонентом насекомое объясняется следующим образом: образ червя в русской фразеологии соответствует насекомому в монгольской фразеологии. Например, монгольский фразеологизм «Книжное насекомое», полностью соответствует русскому «Книжный червь», по значению – «человек умственного труда, погруженный в чтение книг, из которых он и черпает сведения об окружающем мире». По определению толкового словаря монгольского языка, насекомое – это совокупность животных кроме зверей, птиц и рыб. Таким образом, определение насекомого в монгольском языке имеет широкий объем,

и в группу насекомых входят такие животные, которые в русском языке не являются насекомыми.

Данные картотеки показывают яркое различие между ФЕ с компонентом «насекомое» русского и монгольского языков. Высокочастотный в монгольском языке гипероним «насекомое» без конкретного названия не встречается в русских фразеологизмах, но в русском языке существует множество фразеологизмов с названиями разных конкретных насекомых, таких как муха, оса, пчела и червь. Самое большое количество среди русских ФЕ с компонентом-зоонимом «насекомое» дают ФЕ с компонентом «муха».

Вероятно, восприятие *насекомого* как незначительного, ничтожного объекта представлено во многих языках. В русском языке данное значение незначительности ассоциируется с образом *мухи*: *Мухи не обидит* – «кроткий, добрый человек», то есть человек не сможет обидеть даже такое маленькое существо. В монгольском языке существует ФЕ *Он насекомого не убьет*, образ которого полностью соответствует данному русскому фразеологизму.

Образ *мухи* в русском языке ассоциируется с навязчивым, очень надоевшим человеком: *кто-л. назойливый (надоедливый) как муха*, и вялым, неторопливым человеком: *Как сонная (осенняя) муха*. Данные ФЕ восходят к наблюдению за поведением *мух*.

Во фразеологизмах ярко отражается национально-культурная самобытность, поэтому нередко встречаются фразеологизмы, формирующиеся на основе суеверия. Во фразеологизме «Мухи в голове» хорошо видно древнее суеверие: по индоевропейской мифологии, в мух, слепней, жуков и других насекомых мог обитать дьявол, который, проникая в рот, нос или ухо, делал человека бесноватым. Значение данного фразеологизма – «о странном, глупом, легкомыс-

ленном человеке». В современном русском языке в данном обороте вместо мухи может выступать таракан. Возникновению замены мухи на таракана в ФЕ «Мухи в голове» можно предположить такое объяснение: таракан является самым близким насекомым, живущим в доме, так же, как муха. И муха и таракан имеют темный цвет и быстро двигаются. Данное сходство привело к возникновению выражения «Тараканы в голове» [2: 76].

Особо следует дать комментарии фразеологизмов *Муху убить* и *Под мухой (С мухой)*, характеризующих человека в состоянии опьянения или в состоянии легкого опьянения, навеселе. Данные выражения связаны с модной карточной игрой в начале XIX века, особенно распространенной в среде военных. Оборот *Муху убить*, означающий «выпить вина», восходит к карточному жаргону. *Муха* в речи игроков значило «с выигрышем, с удачей, с победой, с овладением мухой», а глагол *убить* означает «покрыть карту высшей картой или козырем». Выражение *Под мухой* первоначально имело форму *С мухой*. Например, «После бурной вечеринки мы вернулись под мухой». Ассоциация – выигрыш в карточной игре сопровождается выпивкой, поэтому легко можно представить себе пьяниц-игроков.

Возможно, незнание этимологии выше описываемых ФЕ приводит к неправильному пониманию значения, так как образ *мухи* как незначительный и ничтожный объект одинаково отражается в русском и монгольском языках (например, *Мухи не обидит*). Монгол, слыша русский фразеологизм *Муху убить*, предполагает, что значение данной ФЕ то же самое, как в монгольском языке *Убить насекомого* – «терпеть, сдерживать свою вспыльчивость».

В русском языке образ червя ассоциируется с жалким, ничтожным и / или интеллектуально и духовно убогим человеком. Во фра-

зеологизмах русского языка «Червь точит» – «какое-л. чувство, душевное состояние угнетает, тревожит кого-л., причиняет нравственные страдания» и «Червь сомнения точит» – «сомнение угнетает, точит кого-л.», характеризующих подавленное и угнетенное состояние человека, *червь* выступает как образ гельминта.

Во фразеологизме русского языка *Книжный червь* – «человек умственного труда, погруженный в чтение книг, из которых он и черпает сведения об окружающем мире», – ярко проявляется образ жизни *червя*. *Червь* питается только одним веществом, как будто он не интересуется другим. Данный образ *червя* видим в человеке, который всегда занимается чтением книг и воспринимает мир через знания или слова, написанные в книгах, сам он не действует, то есть, кроме книг, ему ничего не интересно. В монгольском языке существует фразеологизм *книжное насекомое*, который по значению и образу полностью соответствует выше указанному русскому фразеологизму.

В данную группу, кроме фразеологизмов с компонентом *муха* и *червь*, вошли фразеологизмы с компонентом *пчела* и *оса*.

В русском языке с активным поведением *пчелы* ассоциируется трудолюбивый человек (как правило, женщина), который, работая без отдыха, внешне легко справляется с многочисленными делами: *как пчела*. В данном выражении вместо *пчелы* могут выступать *муравей* и *вол*. В монгольском языке тоже образ *пчелы* и *муравья* используется для характеристики трудолюбивого человека: *работающая пчела, работающий муравей*, но *вол* не используется в данном значении [2: 77].

Человек, имеющий очень тонкую талию, в русском языке ассоциируется с фигурой *осы*: *У кого-л. осиная талия*. В монгольском языке «быть как оса» означает что-то маленькое, крохотное.

В отличие от фразеологизмов русского языка, в монгольском языке существует множество фразеологизмов с компонентом-зоонимом *насекомое* без конкретного указания насекомого. Это объясняется особенностью менталитета монгольского народа. Монголы считали, что в душе существует невидимая часть души, так как нередко бывают случаи, когда нельзя контролировать свою душу. В монгольском языке данную часть души, покрытую тайной, сравнивают с неким существом – *насекомым*, и для монголов основой души человека является именно данная неконтролируемая часть души – *насекомое*.

Монгольские ФЕ с компонентом-зоонимом *насекомое*, характеризующие человека, разделяются на 3 группы: 1) с компонентом «насекомое, живущее в теле»; 2) с компонентом «насекомое, характеризующее качества человека»; 3) с компонентом «насекомое как объект действия».

В первую группу монгольских фразеологизмов с компонентом «насекомое, живущее в теле» вошли ФЕ, характеризующие здоровье и самочувствие человека: *заболевать насекомым* – «заболевать», *признак (Ощущение) насекомого* – «легкая детская болезнь», *плевков насекомого бегают по телу* – «кого-л. тошнит», *насекомое на плохом месте* – «у кого-л. очень плохое настроение».

В выше указанных монгольских ФЕ видим, что монголы сравнивали состояние заболевания с присутствием *насекогого* в теле, так как это не зависит от воли человека: *заболевать насекомым*. *Насекомое* как мистическое существо, живущее в теле человека, очень чувствительно, поэтому когда оно чувствует себя плохо, то сразу начинает проявлять себя и плюет (*плевков насекомого*). Тогда употребляется монгольская ФЕ *плевков насекомого бегают по телу*, имеющая значение – «кого-либо тошнит», так как *плевков насекомого* кислый и наполня-

ет живот. Монголы видели *признак (Ощущение) насекомого* – «легкая детская болезнь», когда ребенок, сам не понимая причину болезни, плачет от боли. В глазах родителей отражается *насекомое* ребенка, жалующегося на боль. В монгольском толковом словаре даны еще 2 значения – «боль в желудке» и «родовые схватки». Выше описанные толкования свидетельствуют о том, что монголы ощущают некое сильное существо (*насекомое*) в животе. Таким образом, можно сказать, что монгольская ФЕ *насекомое на плохом месте* – «у кого-л. очень плохое настроение» подразумевает, что *насекомое* находится не на своем месте – в животе, поэтому его плохое настроение влияет на самочувствие человека.

Фразеологизмы с компонентом «насекомое, характеризующее качества человека» образуют самую большую группу по объему среди фразеологизмов с компонентом-зоонимом «насекомое» в монгольском языке: *плачущее насекомое* – «плакса», *слабое насекомое* – «трус», *книжное насекомое* – «книгоед», *работающее насекомое* – «трудоголик», *художественное насекомое* – «мастер», *тоскующее насекомое* – «тоска, хандра», *У кого-л. хорошее насекомое* – «о эгоистичном, своевольном человеке».

Из приведенных примеров можно предположить, что настроение человека зависит от состояния *насекогого*. Например, в человеке с «плачущим насекомым» видели, что *насекомое* теряет уверенность в себе и плачет, тогда на человеке отражается его настроение.

Данный образ *насекогого* ярко проявляется в ФЕ монгольского языка: *У кого-л. хорошее насекомое* – «об эгоистичном, своевольном человеке», то есть о человеке, ведущем себя так, как хочет капризное насекомое, и он (человек) действует по воле насекомого.

Таким же образом можно объяснить образы ФЕ, описывающих

характеристики человека, зависящие от свойств *насекомого*, – *книжное насекомое*, *художественное насекомое*. Данные ФЕ, как правило, имеют отрицательную оценку, т.к. в них отражается образ человека, который слишком увлекся делом, которое нравится *насекомому*, и потерял самоконтроль. Однако ФЕ *работающее насекомое* можно оценивать и положительно, и отрицательно.

Насекомое в монгольских ФЕ является не только мистическим существом, живущим в теле, но еще и объектом действия.

Монгольский фразеологизм *он насекомого не убьет* соответствует русскому *мухи не обидеть* по значению – «кроткий, безобидный, добрый». *Насекомое* в данном примере выступает как бессильное, беззащитное существо.

В монгольских фразеологизмах с компонентом *насекомое* проявляется особенность монгольского

менталитета, языковой картины мира: множество фразеологизмов с компонентом *насекомое* объясняется существованием мистического существа, контролирующего душу человека вопреки воле человека.

Был проведен опрос носителей монгольского языка: предлагалось ответить на вопрос «Какую форму имеет данное *насекомое*?». В ответах о представлении *насекомого* у монголов найдена общая характеристика – мелкое и бессильное. Многие ответили конкретным названием – *червь* или *жук*.

Монголы верили в то, что именно это неизвестное существо контролирует настроение человека. Таким образом, проанализировав биологические, мифологические, символические сведения о данном *насекоме*, можно глубже понять монгольскую национальную духовность, культурные традиции и верования [8].

Примечания:

1. Уракова Ф.К., Хачмафова З.Р. Формирование языковой личности в условиях модернизации школы: проблемы и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3, Педагогика и психология. Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. Вып. 1. С. 217–223.

2. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: МИРС, 2009. 291 с.

3. Майер К.-И. Зоонимы как компоненты фразеологических единиц (некоторые параллели русского, венгерского и немецкого языков) // Slavica XXII. Debrecen, 1986. P. 15–21.

4. Кузнецова А.И. Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии самодийских языков (на примере селькупского и ненецкого языка) // Diachronie in der synchronen Sprachbeschreibung. Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Hamburg, 1999. Heft 21. S. 69–74.

5. Аким Г. Монгол евермоц хэлцийн товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1999. 211 х.

6. Лодойдамба Ч. Тунгалаг тамир. Монголын уран зохиолын дээжис. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1997. 632 х.

7. Цыденжапов Ш.-Н.Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992. 144 с.

8. Огава М. Русские фразеологизмы с компонентом-зоонимом на фоне японского языка: лингвокультурологический аспект. СПб., 2005.

References:

1. Urakova F.K., Khachmafova Z.R. Formation of the linguistic person in the conditions of school modernization: problems and prospects // Bulletin of the Adyge

State University. Ser. 3, Pedagogy and Psychology. Maikop: ASU publishing house, 2012. Iss. 1. P. 217–223.

2. Zinovyeva E.I., Yurkov of E.E. Lingvoculturology: theory and practice. SPb.: MIRS, 2009. 291 pp.

3. Mayer K.-I. Zoonyms as components of phraseological units (some parallels of the Russian, Hungarian and German languages) // Slavica XXII. Debrecen, 1986. P. 15–21.

4. Kuznetsova A.I. Diachronic information of linguistic and extralinguistic character in phraseology of the Samoyedic languages (based on the Selkup and Nenets language) // Diachronie in der synchronen Sprachbeschreibung. Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Hamburg, 1999. Heft 21.S. 69-74.

5. Akim G. Mongol евермоц хэлцийн товч тайлбар roofing felt. Ulaanbaatar, 1999. 211 х.

6. Lodoydamba Ch. Tungalag Thamir. Mongolyn uranium зохиолын дээжис. Ulaanbaatar: Ulsyn хэвлэлийн газар, 1997. 632 х.

7. Tsydenzhapov Sh.-N.R. Buryat-Russian phraseological dictionary. Ulan-Ude, 1992. 144 pp.

8. Ogava M. Russian phraseological units with a zoonym component against the background of the Japanese language: lingvoculturological aspect. SPb., 2005.